Sventsitskii, Val

Religiozny, smysl

Вал. Свенцицкій.

РЕЛИГІОЗНЫЙ СМЫСЛЪ „БРАНДА“ ИБСЕНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1907.

Типо-Литографія „Отто Унфугъ“ С.-Петербургъ, ул. Гоголя 21.

Посвящается

Н. С. Богатуровой.

Религіозный смыслъ „Бранда" Ибсена*).

Раскрыть религіозный смыслъ Бранда—это въ значительной степени значитъ раскрыть и свою религіозную душу. Геніальный образъ Бранда такъ богатъ, разнообразенъ по своему содержанію, въ немъ столько всеобъемлющаго, универсальнаго,—что всякій, черпающій изъ него, раскрывающій ту или иную его сторону—уже тѣмъ самымъ что́ онъ раскрываетъ, что́ прежде всего пережилъ, какой смыслъ прежде всего принялъ въ душу свою,—уже всѣмъ этимъ говоритъ не только о Брандѣ,—но и о себѣ.

О Брандѣ пишутъ и говорятъ теперь много самаго различнаго, самаго противоположнаго. Различіе и противоположность эта зависитъ отъ разнообразія индивидуальностей пишущихъ и говорящихъ.

Чѣмъ крупнѣе личность, тѣмъ разнообразнѣе, противоположнѣе сужденія о ней. Абсолютная истина, абсолютная полнота—Христосъ,—для однихъ былъ Богочеловѣкомъ, для другихъ—преступникомъ, достойнымъ распятія.

Вотъ почему я даже и не ставлю себѣ задачей дать исчерпывающее толкованіе религіознаго смысла Бранда; я знаю заранѣе, что много въ моемъ пониманіи будетъ субъективнаго,—но для меня, въ концѣ концовъ, важно не столько

---

*) Докладъ, читанный въ Московскомъ Религіозно-Философскомъ Обществѣ памяти Вл. Соловьева, 16 февраля 1907 г.

установить то или иное объективно вѣрное сужденіе о Брандѣ, сколько сказать о той религіозной правдѣ, которая мнѣ лично открылась въ немъ.

Но здѣсь возникаютъ обычныя затрудненія, которыя приходится испытывать, говоря о какомъ бы то ни было религіозномъ вопросѣ, связанномъ съ христіанствомъ.

Въ христіанскомъ міровоззрѣніи настолько все органически связано, настолько одно изъ другого вытекаетъ и одно другое восполняетъ, что положительно нельзя высказать ни одного сужденія, чтобы оно такъ или иначе не предполагало нѣкоторыхъ общихъ христіанскихъ идей. Между тѣмъ, идеи христіанства настолько искажены въ общественномъ сознаніи, что предполагать ихъ общеизвѣстными невозможно. Отсюда затрудненіе, почти роковое: — говорить схематично о такихъ сложныхъ вопросахъ, которые требуютъ чрезвычайно подробнаго изложенія.

I.

Раскрыть религіозный смыслъ Бранда, значитъ раскрыть смыслъ одного изъ труднѣйшихъ путей ко Христу,—это значитъ раскрыть смыслъ не только глубочайшихъ процессовъ человѣческаго духа, но и всего человѣчества. Говорить о судьбѣ Бранда, значитъ говорить о судьбѣ міра. Когда Брандъ отталкиваетъ мать. вырываетъ изъ души Агнесъ самыя больныя ея воспоминанія, когда Гердъ стрѣляетъ въ коршуна и таетъ ледъ отъ слезъ Бранда, а лавина съ грохо́томъ катится внизъ—на сценѣ тогда происходятъ не факты человѣческой жизни и человѣческой судьбы,—свершаются великія міровыя событія, которые иногда смутно, иногда ослѣпительно ярко прозрѣлъ въ творчествѣ своемъ геніальный художникъ.

Брандъ—это пророчество,—онъ говоритъ не о прошломъ, но о будущемъ, и о будущемъ говоритъ такъ, что прошлое освѣщается новымъ свѣтомъ.

Поэма начинается съ современности и черта за чертой отъ этой современности идетъ къ будущему.

Какимъ же застаетъ Брандъ нашъ современный христіанскій міръ? Въ этомъ необходимо дать себѣ ясный отчетъ, чтобы понять Бранда. Къ христіанскому міру можно обратиться со словами, ко́торыя часто повторяются въ Брандѣ: «выбери, ты на распутьи».

———

Офиціальное христіанство—погибло. Христіанство буржуазіи—это самый отвратительный видъ мѣщанства, который можно только себѣ представить. Удобное, покладистое, безъ всякихъ жертвъ, безъ всякой муки, не знающее кровавой Голгоѳы, не чувствующее свѣтлаго воскресенія,—оно пре-

вращено въ орудіе тьмы, въ убѣжище мелкихъ дѣлишекъ въ скопище предразсудковъ. Въ немъ нѣтъ не только абсолютной божественной правды, но и относительной правды языческой.

Все святое выброшено изъ этой великой книги, жизн превращена въ пошлое, бездушное чередованіе дня и ночи въ которые ѣдятъ, пьютъ, пляшутъ и производятъ дѣтей Величайшая ересь схватила міръ безраздѣльно и царствует во всемъ: плоть и духъ—разное, жизнь и идеи несовмѣстны,— христіанскій міръ какъ проказой отравленъ этой кощун ственной ложью.

«Вотъ и колеблется царство Его.
Можетъ ли на инвалидахъ
Строиться, зиждиться, крѣпнуть оно?»

Души стали инвалидами потому, что они въ принцип возвели возможность по одному вѣровать, по другому жить Дѣти земли и праха, они не хотятъ быть даже прахомъ но прахомъ всей душой.

«Не можешь быть чѣмъ долженъ, будь чѣмъ можешь
Вполнѣ, всецѣло сыномъ праха будь!»

Нѣтъ, они живутъ хуже язычниковъ и только по воскресеньямъ „косятся однимъ глазкомъ" на небо, они раздѣлили жизнь и вѣру непроходимой пропастью и превратили то и другое въ ничтожныхъ, жалкихъ, умирающихъ уродовъ.

«Отъ вѣры, отъ ученія Господня вы отдѣлили жизнь,
И въ ней никто христіаниномъ быть ужъ не берется».

Забытъ Христосъ, требовавшій отъ всѣхъ сбросить ветхаго человѣка, все обновить въ душѣ, порвать всѣ цѣп рабства и смерти,—забытъ Христосъ, первый воскресші изъ мертвыхъ, подлинную свободу возвѣстившій, показавші жизнь высокую, радостную, преображенную. Забыто, чт онъ мученичество заповѣдалъ ученикамъ своимъ: порват съ семьей, если это нужно во имя Христово, порвать с своимъ счастьемъ, съ привычками, съ роскошью, со всѣм языческими началами жизни.

Никто не идетъ за Христомъ до конца, пусть грѣша падая, но за Нимъ, видя предъ собой Его святой преобра женный ликъ. Никто изъ этихъ инвалидовъ, которые тольк передъ смертью, въ паническомъ мертвомъ страхѣ

«Утративши Божескій ликъ
Да и людское подобье
Къ Богу стучатся въ ворота клюкой!»

Никто изъ нихъ даже смутно не чувствуетъ ту жизнь, къ которой обязываетъ имя христіанина. Христіанскій буржуазный міръ разлагается. Жалки и отвратительны попытки реформы христіанства, когда за ними нѣтъ сознанія необходимости личнаго подвига, безобразны и кощунственны всѣ эти комиссіи и собранія для рѣшенія христіанскихъ дѣлъ, когда они состоятъ изъ самодовольныхъ сытыхъ людей, когда нѣтъ въ этихъ людяхъ сознанія, что реформу надо начать съ себя.

И вотъ передъ этимъ одряхлѣвшимъ христіанскимъ міромъ, а черезъ него и передъ всѣмъ міромъ вообще, стоитъ выборъ: или всю жизнь начать по новому, стряхнуть всю пыль земли, понять, какъ безумна была вся жизнь, понять, хотя бы на краю той пропасти, которая носитъ страшное имя смерти, понять и пойти слиться съ живымъ, глубоко скрытымъ народнымъ религіознымъ чувствомъ, принеся съ собой вѣковую цивилизацію, культуру, науку, искусство, оплодотворивъ ихъ живой религіозной творческой силой и вмѣстѣ съ народомъ итти къ великой цѣли, окончательной побѣдѣ Добра надъ Зломъ, къ вѣчной божественной гармоніи—или, отдавшись во власть смерти, какъ рабамъ, пригнаннымъ на убой, съ шумомъ и воплями броситься въ бездну.

«Выбери—ты на распутьи!»

Но если выборъ пути смерти требуетъ безбожнаго равнодушія и духовной лѣни — то путь жизни требуетъ религіознаго дѣйствованія, а это находится въ самой тѣсной связи съ вопросомъ о значеніи в о л и въ религіозномъ развитіи человѣка.

Въ Брандѣ страшно глубоко захватывается эта религіозная проблема,—рѣшеніе которой необходимо для уясненія смысла того мірового религіознаго развитія, которое воплощено въ Брандѣ.

II.

Христіанство не міровоззрѣніе, но религія,—и всякій, признающій христіанскую религію, какъ абсолютную правду и полноту, долженъ признать, что въ ней получаетъ удовлетвореніе весь человѣкъ, и духъ его, и чувство, и мысли, и желанія, и потребности—словомъ все. Нельзя отъ религіи требовать, чтобы въ ней все могло охватить мозгъ,—это будетъ ложь, это будетъ посягательство на ту всецѣлость, которая отличаетъ религію отъ философіи, но нельзя думать, что въ религіи ничего не должно даваться сознанію, все должно непосредственно открываться душѣ.—Думать такъ, значитъ ограничивать религію, суживать ее, оставлять безъ удовлетворенія одну изъ величайшихъ сторонъ человѣческой личности—ея сознаніе.

Въ христіанствѣ, какъ абсолютной религіи, заключено не только все Добро и Красота, но и вся истина. Медленнымъ, упорнымъ трудомъ человѣчество раскрываетъ эту истину; постепенно она дѣлается достояніемъ сознанія не отдѣльныхъ лицъ, а всего человѣчества; борьбой, отрицаніемъ, жертвой и муками усѣянъ этотъ путь къ познанію обоготворенныхъ истинъ.

Далеко еще не пройденъ путь христіанской философіи, не можетъ еще найти человѣческое сознаніе своего полнаго удовлетворенія въ христіанствѣ, поскольку оно является не только религіей, но и міровоззрѣніемъ; неудовлетворенность ума восполняется непосредственнымъ религіознымъ чувствомъ, но многія центральныя проблемы сознанія уже рѣшены, а въ отношеніи другихъ намѣченъ правильный путь для ихъ рѣшенія.

Однимъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ для религіозной философіи и для философіи вообще является вопросъ о свободѣ.

Въ христіанскомъ ученіи идея свободы раскрывается полнѣе, законченнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Христіанское ученіе о свободѣ самымъ коренным образомъ отличается отъ того пониманія, которое въ настоящее время стало господствующимъ.

Обычное представленіе о свободѣ ведетъ свое происхожденіе съ древности, въ литературѣ оно подерживается какъ одно изъ наиболѣе спорныхъ философскихъ мнѣній, а въ массы перешло, какъ неопровержимая аксіома.

Эта вульгарная свобода легко уживается съ необходимостью, такъ легко, что практическими борцами за нее являются по преимуществу тѣ люди, которые въ то же самое время исповѣдуютъ механическій взглядъ на жизнь, провозглашаютъ безраздѣльную власть желѣзнаго закона о необходимости.

Какимъ, спрашивается, образомъ, можетъ уживаться идея свободы съ ученіемъ, которое разсматриваетъ всякое дѣйствіе, всякое явленіе, какъ нѣкоторое неизбѣжное слѣдствіе нѣкоторыхъ причинъ, которыя въ свою очередь тоже являются не сами по себѣ, а тоже причинно обусловлены? Какое различіе между свободой и не свободой, если все свершается по желѣзнымъ законамъ необходимости?

Почему нарушеніемъ свободы является распоряженіе пристава, запрещающее говорить какому-нибудь оратору, а тотъ фактъ, что ораторъ говоритъ съ неизбѣжностью автомата, что каждое его слово причинно обусловлено, что онъ говоритъ то, чего не можетъ не сказать, какъ не можетъ брошенный камень не упасть на землю—почему все это не есть нарушеніе идеи свободы?

Вѣдь вся разница въ томъ, что въ первомъ случаѣ, когда оратора останавливаетъ приставъ, дѣйствуетъ причина такъ-сказать очевидная, во второмъ случаѣ дѣйствуетъ сумма разнообразныхъ причинъ, которыя нельзя иной разъ строго классифицировать, но и въ первомъ и во второмъ случаѣ по существу происходитъ одно и то же—свершается нѣкотороедѣйствіе, причинно обусловленное. Никакой принципіальной разницы между свободой и не-свободой нѣтъ.

Очевидно, свободой въ настоящемъ смыслѣ слова можетъ быть названа безпричинность, нѣкоторая возможность творческаго акта, ничѣмъ не обусловленнаго. Свободу такъ понимаемую можно признать, но нельзя представить и вотъ эта невозможность представить вводитъ въ соблазнъ обычное сознаніе. Между тѣмъ, невозможность представить, что такое свобода, лежитъ въ самомъ существѣ вопроса и скорѣе является аргументомъ за, чѣмъ противъ.

Въ самомъ дѣлѣ, попробуйте представить себѣ вѣчность во времени или безконечность въ пространствѣ. Ни того, ни другого представить себѣ невозможно. Какіе бы милліоны верстъ вы себѣ не воображали, все-таки можетъ дальше и дальше тянуться прямая линія и какъ только вы остановитесь, вы сейчасъ-же ограничите безконечность. Сколько вы не считали столѣтій въ прошломъ или будущемъ—за каждымъ новымъ столѣтіемъ въ вашемъ воображеніи будетъ вставать другое, за нимъ третье, потомъ еще и еще, и какъ только вы захотите остановиться, вы сейчасъ-же ограничите вѣчность.

Но невозможность представить себѣ безконечность во времени и пространствѣ даетъ-ли какое-нибудь право считать это нелѣпостью, абсурдомъ, измышленіемъ философіи? Не только не даетъ права, но больше того, умъ человѣческій, не будучи въ силахъ представить себѣ безконечность, въ тоже самое время не можетъ представить себѣ, что ея нѣтъ. Какъ только вы ограничите безконечность, вы, по свойству ума, сейчасъ-же должны будете признать, что за той границей, которая положена вами, обязательно есть продолженіе. Невозможно представить себѣ безконечность, это безсмыслица, но сказать, что ея нѣтъ—безсмыслица вдвойнѣ.

Вы не можете представить себѣ безконечность и вѣчность, потому что эти категоріи познаются ограниченными формами познанія—временемъ и пространствомъ.

Но вѣдь и свобода, какъ безпричинность, есть также нѣкоторая безначальность. Точно также, сколько бы причинностей одна за другой не возстанавливали въ

прошлое, вамъ придется уйти въ ту-же безконечность и признать нѣкоторое безпричинное начало, признать его съ такой же неизбѣжностью, хотя и съ такой-же невозможностью представить, какъ и вѣчность.

Всякое логическое познанiе есть нѣкоторое ограниченiе и потому ничто безграничное познано быть не можетъ.

Свобода человѣка это та вѣчность, которая составляетъ основу его бытiя. Эта вѣчность—лучшее свидѣтельство его божественнаго происхожденiя и залогъ его безсмертiя.

Но вѣчность—безпричинность это лишь формальные признаки свободы. Христiанство мыслитъ свободу не какъ нѣкоторую пустую возможность, но какъ свободу Божiю, исполненную содержанiя.

Свободный Богъ не можетъ грѣшить. Только по недоразумѣнiю можно усматривать противорѣчiе въ этой религiозной идеѣ. Очевидно, что «не можетъ» здѣсь не болѣе какъ игра словами. Богъ, какъ безпричинное начало хочетъ, самъ по себѣ, не грѣшить, ибо всякiй грѣхъ есть уже отрицанiе свободы. И сказать «Богъ не можетъ грѣшить»,—въ сущности значитъ сказать: свобода не можетъ быть не свободной».

Человѣческая свобода также является святой по содержанiю и безпричинной по своему формальному признаку. По этому, всякое проявленiе свободы свято. Ибо всякiй грѣхъ, всякое зло есть рабство, при всякомъ грѣхѣ свобода замѣняется причинностью. Выражаясь словами апостола, «кто вникнетъ въ законъ совершенный, законъ свободы, и пребудетъ въ немъ, тотъ, будучи не служителемъ забывчивымъ но исполнителемъ дѣла, и блаженъ будетъ въ своемъ дѣйствованiи». Такимъ образомъ совершенный законъ и есть свобода.

Достигнуть совершенства, жизни въ Богѣ—это значитъ освободить свой духъ отъ всякой причинности, отъ всякаго зла, другими словами стать абсолютно свободнымъ. Въ чемъ же прежде всего выражается свобода? Употребляя терминологiю Бранда, выражается она въ хотѣнiи; хотѣнiе—вотъ первый творческiй актъ свободы—и по тому какого содержанiя это хотѣнiе. можно опредѣлить есть

ли оно свободный актъ или мертвое слѣдствіе причинности, грѣха и страстей. Хотѣніе осуществляется путемъ воли.

Такимъ образомъ свободная воля только та, которая опредѣляется хотѣніемъ и хотѣніе только то свободно, которое грѣхомъ причинно не обусловлено. Теперь возникаетъ вопросъ, какое значеніе придаетъ Брандъ силѣ воли въ религіозномъ развитіи человѣка, какое значеніе имѣетъ она для развитія подлинной свободы, т. е. желаній, выражающихъ «душу цѣльную», «Адама юнаго», образъ и подобіе Божіе,—а не душу рабовъ и инвалидовъ.

Другими словами: чѣмъ является для Бранда воля въ дѣлѣ Господнемъ?

III.

«Нашъ первый долгъ—хотѣть всѣмъ существомъ,
И не того лишь, что осуществимо
И въ маломъ и въ большомъ; хотѣть—не только
Въ предѣлахъ тѣхъ, или иныхъ страданій,
Трудовъ, борьбы,—нѣтъ, до конца хотѣть,
Хотѣть и радостно готовымъ быть
Пройти всѣ мытарства души и тѣла.
Не въ томъ спасеніе дающій подвигъ
Чтобъ на крестѣ въ страданьяхъ умереть,
Но въ томъ, чтобъ этого хотѣть всѣмъ сердцемъ,
Хотѣть и средь страданій крестныхъ даже
Въ минуты скорби и тоски предсмертной.» —

Итакъ, весь смыслъ служенія Богу въ томъ, чтобы свободный человѣкъ проявилъ свою подлинную сущность въ томъ творческомъ актѣ, ничѣмъ необусловленномъ,—который выражается въ свободномъ желаніи. Вотъ почему: «простится то тебѣ, чего не сможешь, чего не захотѣлъ ты--никогда».

Но для того, чтобы актъ хотѣнія былъ дѣйствительно свободнымъ и, въ силу этой свободы, былъ и подлиннымъ добромъ, — надо обезопасить эту свободу отъ всякихъ тисковъ, отъ порабощающихъ ее началъ.

Для этого и нужна воля.

«Намъ жизнь въ Богѣ вести предстоитъ,
Послѣ того, какъ убьемъ мы
Коршуна воли грѣховной.»

То есть будетъ убита воля, направленная не на освобожденіе человѣческаго духа, а на порабощеніе его.

Брандъ говоритъ своей матери:

«Твой сынъ возьметъ твой долгъ, и образъ Божій
Тобою загрязненный, въ немъ возстанетъ,
Омытый волею».

Воля такимъ образомъ—необходимое условіе подлинной свободы, а въ свободѣ, въ свободномъ хотѣніи—весь смыслъ жизни. Человѣкъ долженъ стремиться только къ одному: освободиться отъ внутреннаго рабства, стать свободнымъ какъ Богъ и тогда, какъ и въ Богѣ, не будетъ въ немъ грѣха. Ибо образъ и подобіе Божье ничѣмъ внѣшнимъ, чуждымъ, злымъ не извращаемое,—будетъ творить только доброе.

«Одна поставлена всѣмъ людямъ цѣль—доскою,
Скрижалью чистой быть душа должна,
Да пишетъ Богъ на ней Своей рукою!»

И Брандъ апостолъ этого труднаго, повторяю, можетъ самаго труднаго пути къ Христу:

«Бичъ слова мнѣ вложилъ въ уста Господь,
Зажегъ въ груди негодованья пламя,
Велѣлъ поднять высоко воли знамя!»

Брандъ апостолъ воли и черезъ волю ведетъ людей въ церковь, къ Богу, къ любви.

Этотъ путь состоитъ въ томъ, что долгъ, неукоснительно исполняемый, какихъ-бы страшныхъ жертвъ онъ не стоилъ, какимъ бы съ человѣческой точки зрѣнія безумнымъ и жестокимъ не казался,—приводитъ духъ въ то состояніе самоопредѣленія, абсолютной свободы, въ которомъ свершается воскрешеніе «Адама юнаго».

И въ этомъ смыслѣ Брандъ безусловно является положительнымъ религіознымъ типомъ.

Какой, въ самомъ дѣлѣ, смыслъ всѣхъ евангельскихъ заповѣдей? Развѣ не ясно, что заповѣдь любви содержитъ всѣ остальныя? И все-таки заповѣди оставлены. Оставлены, какъ требованіе исполнять долгъ, какъ путь, осуществляя который напряженіемъ воли, постояннаго внутренняго подвига, можно убить коршуна и освободить духъ, привести его въ его изначальное состояніе.

Въ этомъ смыслѣ едва ли не самой глубокой въ религіозномъ отношеніи является сцена Агнесъ съ цыганкой.

Для многихъ зрителей въ этотъ моментъ Брандъ кажется страшнымъ,—почти изувѣромъ, въ первую минуту

является порывъ остановить его, не смотрѣть на сцену. Нервы прямо не выдерживаютъ этой пытки.

Брандъ зачѣмъ-то велитъ сдѣлать то, чего даже не просила цыганка, отдать всѣ вещи покойнаго Альфа, послѣднія драгоцѣнности, оставшіяся послѣ него, не половину, не часть, а всѣ до послѣдняго маленькаго чепчика, который Агнесъ носила на своей груди.

Но глубже вдумавшись, до конца переживъ то, что совершается на сценѣ, понимаешь, какъ велика здѣсь религіозная правда Бранда. Страшный путь избралъ онъ къ Богу, но вѣрный путь. Онъ заставляетъ Агнесъ сдѣлать невѣроятныя, можно сказать, нечеловѣческія усилія, чтобы освободить свой духъ напряженіемъ воли.

Брандъ сначала велѣлъ исполнить долгъ, а потомъ уже спрашиваетъ:

«Охотно-ль жертву тяжелую ты принесла?

Для Бранда воля и исполненіе долга есть путь,—средство для того, чтобы достигнуть намѣченной цѣли—полной свободы, и признакъ того, что это средство не было напрасно, — охотное принесеніе жертвы. Агнесъ заставила себя отдать вещи Альфа, — но напряженіе воли еще не было рѣшающимъ.

И на вопросъ Бранда:

«Охотно-ль жертву тяжелую ты принесла?»

Она отвѣчаетъ:

«—Нѣтъ.
«—Такъ твой даръ былъ напрасенъ
Долгъ не убавился твой».

Агнесъ тогда признается, что она спрятала и не отдала цыганкѣ чепчикъ.

Суровы, жестоки, безчеловѣчны слова Бранда, съ обычной людской точки зрѣнія, когда на просьбу Агнесъ, позволить оставить «потомъ предсмертнымъ смоченный чепчикъ», Брандъ говоритъ:

«Идола Богомъ признала,
Ну и служи ему!»

Агнесъ отдаетъ и чепчикъ. И путь Бранда, суровый, кровью, слезами пропитанный путь, приводитъ Агнесъ къ истинной, божественной свободѣ.

«Брандъ,—я свободна, свободна!»

. . . .

«Воля моя побѣдила въ борьбѣ
Высохли слезы, исчезли
Хмурыя тѣни съ чела! Впереди
Въ сумракѣ ночи и смерти
Вижу я брезжитъ сіянье зари».

Брандъ не обманулъ Агнесъ. Въ самомъ началѣ, прежде чѣмъ соединить ея судьбу съ своей, онъ говорилъ:

«Я строгъ, суровъ въ своихъ стремленьяхъ къ цѣли.

Уступокъ никакихъ, ни послабленій,
Ни снисхожденія къ грѣху не жди.
Рѣшайся, выбирай, ты на распутьи!»

Агнесъ отвѣтила ему:

«Иду, иду во мракъ, дорогой смерти.
За нею воскресенія заря!»

Брандъ не обманулъ Агнесъ и Агнесъ не обманулась въ немъ. Онъ дѣйствительно привелъ ее къ намѣченной цѣли,—она дѣйствительно увидала зарю воскресенья.

До послѣдняго дѣйствія въ драмѣ раскрывается этотъ страшный путь къ Богу, путь борьбы съ коршуномъ.

Сейчасъ я перейду къ выясненію вопроса, куда же пришелъ самъ Брандъ,—но, чтобы закончить съ этимъ первымъ періодомъ, періодомъ пути, когда Брандъ—не пришелъ, но идетъ—я считаю нужнымъ отвѣтить на вопросъ, который обычно задаютъ: «христіанинъ-ли Брандъ?»

«Христіанинъ-ли даже я, не знаю»—вотъ слова самого Бранда о себѣ въ началѣ драмы.

Брандъ не христіаннинъ въ смыслѣ человѣка уже воспринявшаго въ душу свою Христа, но христіанинъ въ смыслѣ человѣка правильнымъ путемъ и твердо идущаго ко Христу. Нельзя упрекать Бранда въ томъ, что онъ не пошелъ къ матери, какъ это дѣлаетъ докторъ,—можетъ быть Христосъ и пошелъ-бы,—но Брандъ не могъ и не долженъ былъ, для него это была бы не высшая правда, а уступка и компромиссъ. Все то, жестокое и суровое, что съ перваго взгля-

да такъ больно иной разъ отталкиваетъ отъ Бранда,—получаетъ особый смыслъ, освѣщается внутренней религіозной правдой, когда видишь за этимъ путемъ смерти зарю воскресенія, зарю, къ которой весь израненный,—въ вѣнцѣ терновомъ, съ язвами на рукахъ и ногахъ, шелъ великій Брандъ.

Нужно пережить то, куда пришелъ онъ, чтобы понять и простить. Брандъ, какъ идущій къ высшей правдѣ, можетъ разсматриваться только съ той вершины, куда за нимъ не пришелъ никто,—а не съ долины, не съ точки зрѣнія ничтожной, слабой, человѣческой жалости, которая подмѣняетъ пламенную любовь—теплопрохладнымъ фразерствомъ. Куда же пришелъ Брандъ? Куда привелъ его путь воли и связанный съ ней путь кровавыхъ жертвъ?

IV.

Уже передъ церковью, ожидая народъ, духъ Бранда вознесся на самую вершину ледника и за снѣжной ледяной церковью—воли и самоотреченія, увидалъ подлинную Церковь—Любви и Свободы.

„—Какіе горизонты мнѣ открылись!“

Ледники манили Бранда не сами по себѣ, онъ не видалъ другаго пути къ истинной Церкви любви, но жилъ онъ всегда мечтою о ней.

„Любви не зная, но по ней тоскуя
Я сердцемъ и душой ожесточался!“

Путь жертвъ и воли привелъ Бранда къ истинной Церкви, въ которую онъ призывалъ народъ у храма.

„Когда-жъ въ борьбѣ одержитъ воля
Побѣду полную—и для любви
Очищенъ путь,“ —

Брандъ одержалъ побѣду и въ послѣднемъ дѣйствіи передъ нами Брандъ уже съ другой душой, въ которой очищенъ путь для любви.

Брандъ не хотѣлъ любви рабовъ, любви мелкой, слащавой,—которой хотятъ подмѣнить любовь Христову. Онъ не щадитъ самыхъ жестокихъ словъ, обличая всѣхъ фальсификаторовъ любви.

„Нѣтъ болѣе опошленнаго слова,
Забрызганнаго ложью, чѣмъ любовь!
Имъ съ сатанинской хитростью, людишки
Стараются прикрыть изъяны воли,
Маскировать, что въ сущности ихъ жизнь
Трусливое заигрыванье съ смертью“.

Любви такой Брандъ не принимаетъ. Онъ слишкомъ чувствуетъ Бога и хочетъ узнать Христа, чтобы опошливать это великое слово и слезливое, бездушное прощеніе,

сostраданьице, жалкое человѣческое сочувствіе, въ которомъ какъ мухи липнутъ люди, называть любовью. Онъ знаетъ. что любовь покупается дорогою цѣною, она не дается сразу, для этого надо освободить душу отъ всѣхъ цѣпей,—цѣною крови покупается въ душѣ мѣсто для любви. Онъ не боится казаться жестокимъ и быть жестокимъ въ этой борьбѣ за право любить. Этотъ путь необходимъ и кто не хочетъ пройти его, тотъ не научится любить никогда!

Брандъ побѣдилъ, онъ у снѣжной церкви, раскрыта душа его для любви.

Но послѣдній шагъ къ цѣли всегда самый трудный, Искушенія съ небывалой силой охватываютъ Бранда. Дьяволъ въ видѣ Агнесъ нашептываетъ ему:

„Видѣлъ во снѣ ты, мой милый,
Все свое горе, несчастье, борьбу.
Альфъ съ твоей матерью старой;
Выросъ онъ; мать-же свѣжа и бодра;
Старая церковь на мѣстѣ.“

Дьяволъ требуетъ одного, отречься отъ того пути, по которому Брандъ прошелъ къ ледяной церкви, за которой раскрываются безграничные горизонты.

„Брандъ мой, согрѣйся въ объятьяхъ моихъ,
Самъ обними меня крѣпче!“

Брандъ встаетъ во весь свой гигантскій ростъ, когда брошенный, израненный, одинокій говоритъ видѣнію, искушавшему его сладкими, но безумными словами:

„—Иди же за мной!“

Дьяволъ становится жалкимъ, злобнымъ, маленькимъ и шепчетъ растерянно:

„—Я за тобой? Но куда-же?“
„—Куда долгъ призываетъ: я долженъ
Правдой то сдѣлать, что было лишь сномъ,
Въ жизнь провести свои грезы!“

И на всѣ новыя попытки искушенья грозно и властно гремятъ великія слова Бранда:

„Въ этомъ мой долгъ!“

И видѣніе исчезло. «Въ клубы тумана видѣнье свилось, прочь унеслось, какъ на крыльяхъ. будто бы ястребъ огромный взвился!»...

Другое искушеніе. Свое страданіе, свою борьбу признать абсолютнымъ началомъ. Утвердить свой путь, какъ цѣль— провозглашать себя Христомъ, церковь льда—Церковью Господней, волю, силу, провозгласить любовью, жажду жизни — за самую жизнь. Не сдѣлать послѣдняго шага, гдѣ уже не видно ясно никакого самоутвержденія и душа человѣка сливается съ Божествомъ, — не пойти, а остановиться и провозгласить себя Богомъ. Высота такъ головокружительна, что чѣмъ выше подымается человѣческій духъ, тѣмъ легче ему провозгласить побѣду, свершавшуюся ради дѣла Господня своей собственной побѣдой.

Безумная Гердъ готова преклониться передъ Брандомъ какъ передъ спасителемъ міра.

„Не преклониться-ли мнѣ предъ тобой,
Въ ноги не пасть мнѣ съ мольбою!
Или даромъ ты кровь проливалъ,
Кровь для спасенья?“

Брандъ съ истинно христіанскимъ смиреніемъ отталкиваетъ искушеніе Гердъ.

„—О, и свою-то я душу спасти
Жертвой не знаю какою!“ —

Гердъ побѣждена, послѣдній актъ воли свершенъ, самый трудный шагъ, завершающій путь, сдѣланъ.

Куда-же пришелъ Брандъ?

„—Знаешь ты, гдѣ ты?“

Да, Брандъ знаетъ, онъ говоритъ, что онъ достигъ лишь первой ступени христіанства, что онъ стоитъ только на первой ступени.

„лѣстницы ввысь уходящей“.

Бранду открывается снѣжная церковь, къ которой пришелъ онъ и увидавъ ее, эту снѣжную церковь человѣческой воли, освобождающей человѣческій духъ, Брандъ содрогнулся и палъ передъ Христомъ.

„О, Іисусъ! Я всю жизнь Тебя звалъ,
Ты не хотѣлъ мнѣ явиться;
Тѣнью лишь смутной мелькалъ, ускользая,
Точно забытое слово!“

Брандъ плачетъ. Душа его очищена для любви. И вмѣстѣ съ этимъ таетъ и снѣжная церковь, давая мѣсто Церкви любви:

„Таетъ онъ; таетъ въ душѣ моей ледъ,
Сердце исходитъ слезами,
Таетъ на пасторѣ горномъ и съ плечъ
Катится снѣжная риза!
Раньше не плакалъ зачѣмъ человѣкъ?"

Брандъ знаетъ, почему онъ не плакалъ раньше, онъ не могъ, не долженъ былъ плакать, тотъ путь, который онъ избралъ, освобождаетъ духъ только на вершинѣ своей, у снѣжной церкви, когда воля побѣдила все, этотъ путь безъ слезъ, но ведетъ къ радостнымъ слезамъ любви.

„Долгомъ считалъ я доселѣ служить
Чистой скрижалью для Бога;
Чувствомъ согрѣта и смысла полна
Жизнь моя будетъ отнынѣ,
Цѣпь порвалась ледяная—могу
Плакать, любить и молиться!"

Брандъ побѣдилъ. Онъ пришелъ ко Христу. Онъ можетъ любить, можетъ молиться. Черный коршунъ больше не страшенъ и Гердъ, прицѣлившись, легко убиваетъ его.

„Пулей сраженный онъ катится внизъ",

И все преобразилось, Брандъ воочію видитъ тѣ горизонты, которые провидѣлъ духъ его въ церкви передъ народомъ.

„Шире и выше, прекраснѣй
Куполъ небесный сталъ въ тысячу разъ!
Нѣтъ больше черной той тѣни".

Но побѣда, индивидуальное преображеніе души,—еще не есть побѣда всего человѣчества, преображеніе и тѣла. Смерть, результатъ грѣха, побѣдится, по пророческому слову апостола, послѣднею.

„Послѣдній-же врагъ истребится—смерть!"

И Брандъ—спасенный, побѣдившій, черезъ ледяную церковь научившійся любить и плакать—умираетъ.

И передъ смертью своей—онъ хочетъ слышать благословеніе своему пути, хочетъ, чтобы Господь сказалъ ему къ бездушному-ли мѣсту пришелъ онъ, къ церкви, гдѣ не

извѣстно кто, Богъ или дьяволъ, или къ Церкви Отца любящаго и милосерднаго, котораго онъ познал долгимъ и страшнымъ путемъ воли—достаточно-ли для спасенія человѣка его воли, вѣренъ-ли путь воли ко Христу, дѣйствительно-ли приводитъ онъ къ тому милосердному Богу, Который открылся Бранду?

И Богъ отвѣтилъ ему:

„Богъ—Богъ милосердія!“

V.

«Выбери—ты на распутьи!»—эти слова Бранда относятся и къ каждому человѣку въ отдѣльности и къ всему человѣчеству вмѣстѣ.

Путь воли, составляющій религіозный смыслъ Бранда, стоитъ передъ сознаніемъ каждаго современнаго христіанина.

Недостаточно вѣрить въ Бога—нужно знать Бога, недостаточно признавать свое безсмертіе—надо чувствовать его, недостаточно понимать людей — надо любить ихъ, недостаточно исповѣдывать христіанство—надо жить по христіански. Немногочисленная вѣрующая интеллигенція почти неизбѣжно должна идти путемъ Бранда, если хочетъ отъ вѣры перейти къ знанію, отъ пониманія къ любви, отъ исповѣдыванія къ жизни. Брандъ въ этомъ смыслѣ подлинный «рыцарь Господа» и проповѣдь его подлинный гласъ Божій!

Гамлетовская рефлексія положила непроходимую пропасть между сознаніемъ и волей интеллигенціи вообще. Но можетъ быть нигдѣ не чувствуется этотъ разладъ такъ мучительно, какъ въ дѣлѣ христіанскомъ. Только тотъ знаетъ всю глубину его, кто напрягалъ свои силы не на то, чтобы убѣжденіе провести въ жизнь, а на то, чтобы религіозную вѣру воплотить въ дѣйствительность. Никакая идея, никакое человѣческое ученіе не можетъ такъ всецѣло охватить человѣка, какъ религія, а потому невозможность безъ всякихъ компромиссовъ съ совѣстью жить сообразно религіозной вѣрѣ ощущается въ буквальномъ смыслѣ всѣмъ существомъ человѣка.

Перейти изъ интимной религіозной жизни въ областъ христіанской общественности, уединенную личную религіозную жизнь принести въ міръ, отъ религіознаго исповѣдыванія перейти къ религіозному дѣйствованію—вотъ та

громадная, внутренняя задача, которая стоитъ передъ каждымъ вѣрующимъ человѣкомъ нашихъ дней, и острота историческаго момента усиливаетъ остроту, неотложность этой внутренней задачи.

Я убѣжденъ, что каждому, не считая отдѣльныя индивидуальныя исключенія, грядущая религіозная жизнь повелитъ пройти пути Бранда. Отрава внутренняго рабства слишкомъ была велика, мы расшатали въ себѣ все крѣпкое, подорвали въ себѣ всѣ силы, раздробили цѣльность, надо придти въ себя, оглянуться на современный христіанскій міръ и покуда не поздно, не откладывая ни минуты, начать строить по новому свою религіозную жизнь. Играть въ христіанство преступно, пора бросить это «трусливое заигрыванье съ смертью», каждый шагъ долженъ быть направленъ на то, чтобы, разрывая всѣ путы, которыми привязана душа, разрушая стѣны, которыми загороженъ отъ насъ путь къ подлинной жизни—шагъ за шагомъ въ упорной внутренней борьбѣ, не щадя силъ своихъ, до язвъ кровавыхъ, черезъ ледяныя вершины, безбоязненно, съ твердой вѣрой и пламенной надеждой идти къ своему Отцу. Пусть невѣрующіе смотрятъ на жизнь иначе—кто хочетъ быть христіаниномъ долженъ помнить, что на него при крещеніи надѣтъ крестъ, и крестъ этотъ на своихъ плечахъ онъ долженъ достойно пронести черезъ всю жизнь.

Брандъ—событіе въ русской жизни, главнымъ образомъ въ силу того историческаго момента, въ который онъ поставленъ на сценѣ. То, что сейчасъ какъ болѣзненный разладъ ощущается религіозной интеллигенціей, въ самомъ недалекомъ будущемъ должно ощутиться всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ—и путь Бранда встанетъ тогда, можетъ быть, какъ единственный путь жизни.

Въ настоящее время политическая и соціальная борьба, освободительное движеніе съ его мученичествомъ, героями, подвижниками, слишкомъ заполняетъ своей разрушительной работой человѣческую жизнь, чтобы оно могло ясно ощутить какъ пуста жизнь, лишенная положительныхъ началъ.

Въ извѣстномъ смыслѣ весь міръ, не исключая Россіи,

пляшетъ и играетъ на краю того же обрыва, на которомъ играли Агнесъ и Эйнаръ и ко всему міру, какъ къ нимъ обращены слова Бранда:

«Эй, берегись! отъ бездны вы на шагъ!»

Ибо и всѣ жертвы, и вся мученическая борьба становится игрой, коль скоро нѣтъ въ ней абсолютнаго содержанія.

На краю своихъ могилъ суетливо и дѣловито каждый занятъ работой, неизвѣстно для кого и для чего нужной. гипнотизируя себя мечтой низменной или благородной, въ зависимости отъ качества своей натуры.

«Мы живемъ чтобы создать условія, гдѣ бы могла развиваться личность»,—такъ говорятъ лучшіе; и ведутъ за эту идею ожесточенную борьбу; она наполняетъ всю ихъ жизнь, поглощаетъ все ихъ внутреннее содержаніе и бездна исчезаетъ изъ глазъ, сладкій обманъ отравляетъ душу, призракъ жизни и идеала—путемъ самовнушенія—провозглашается подлинной жизнью и абсолютнымъ ея смысломъ.

Они не хотятъ видѣть, что, лишивъ личность абсолютной цѣнности, вѣчнаго бытія, они тѣмъ самымъ лишили свой идеалъ и жизни и смысла. Нелѣпа борьба для созданія условій, гдѣ бы могли развиваться какія-то никому не нужныя существа!

А другая, худшая и большая часть міра, ужъ совсѣмъ безумная, хочетъ закрыться отъ страшной бездны роскошью, всѣ вопросы потопить въ развратѣ, захлебнуться, ничего не знать, ничего не видѣть и только жить, жить и жить, покуда время не разрушитъ организма и жалкій рабъ ничтожныхъ страстей не упадетъ въ могилу, на краю которой пировалъ свою жизнь.

Дальше итти такъ не можетъ, стѣна передъ человѣчествомъ встаетъ, какъ передъ Агнесъ, пропасть могилъ раскрывается передъ всѣми и трубный гласъ звучитъ настойчивѣе со всѣхъ сторонъ: изъ жизни, изъ литературы, изъ искусства—«выбери, ты на распутьи!»

Пусть человѣчество надъ пропастью еще нѣсколько де-

сятковъ лѣтъ пляшетъ или приноситъ благородныя жертвы невѣдомымъ Богамъ,—дни безумной пляски сочтены и вопросъ, куда итти, рано или поздно встанетъ передъ человѣчествомъ во весь свой гигантскій ростъ.

И въ Брандѣ, по моему, раскрывается именно тотъ путь, по которому предстоитъ итти человѣчеству. Вотъ почему я вижу въ немъ пророческія черты. Не единствененъ религіозный путь Бранда, но человѣчество слишкомъ долго плясало и въ этой пляскѣ слишкомъ истолкло свою душу, чтобы теперь можно было итти какимъ-нибудь другимъ, болѣе легкимъ путемъ.

Культурный міръ въ своей пляскѣ попалъ въ силки, опутанъ цѣпями, закованъ во внутренніе кандалы, сплошь состоитъ изъ рабовъ. Задыхаясь въ тискахъ, человѣчество бросается то на политическую, то на соціальную свободу, въ отчаяніи думая, что цѣпи, сковывающія душу падутъ съ самодержавіемъ и капитализмомомъ. Но цѣпи только глубже и больнѣе врѣзаются въ израненное человѣчество.

Для рабовъ, окончательно потерявшихъ внутреннюю истинную Христову свободу, при которой хотѣніе опредѣляется не низменными началами души, а свободнымъ творческимъ актомъ,—для рабовъ нѣтъ другого пути, кромѣ пути Бранда. Имъ предстоитъ шагъ за шагомъ, цѣною страшныхъ мукъ, одно за другимъ, разбивать звенья цѣпей, которыми скована душа. Подвигомъ, самоотреченіемъ очищать мѣсто для любви, цѣною кровавыхъ мукъ купить утерянную свободу.

Путь, которымъ шелъ Брандъ, привелъ его къ снѣжной церкви и чрезъ нее къ милосердному Богу, къ первой ступени ввысь уходящей лѣстницы, — куда же приведетъ путь Бранда все человѣчество? Онъ приведетъ его чрезъ снѣжную церковь къ Церкви Христовой.

Брандъ чувствовалъ и зналъ истинную, вселенскую Церковь, ту самую Церковь, которая была видимой при апостолахъ, которою жили въ наши дни Достоевскій и Вл. Соловьевъ.

„Нѣтъ у той церкви предѣловъ, конца,
Полъ въ ней—зеленыя нивы,
Горы, долины, ручьи и моря,

Сводомъ-же служитъ ей небо!
Только оно можетъ все охватить,
Что эта церковь вмѣщаетъ,
Въ ней ты и долженъ всю жизнь провести.
Дѣло свое исполняя.
Такъ, чтобъ въ гармоніи было оно,
Съ общей симфоніей міра;
Будничный трудъ свой тогда продолжай
Праздника онъ не нарушитъ:
Все эта Церковь, весь міръ—какъ кора
Дерева стволъ весь—обниметъ,
Вѣру и жизнь воедино сольетъ;
Съ духомъ закона и правды
Будничный день трудовой согласитъ;
Дѣло дневное—съ полетомъ
Духа въ надзвѣздныя выси небесъ!"

Брандъ повелъ въ эту Церковь народъ, повелъ черезъ снѣжный хребетъ, черезъ ледяную церковь воли,—народъ, пошедшій за нимъ, не свершилъ той работы, которую свершилъ Брандъ,—и потому никто не могъ подняться до вершины вмѣстѣ съ нимъ.

Ошибка Бранда, если здѣсь можно говорить объ ошибкѣ, въ томъ, что онъ призвалъ толпу итти сразу конецъ пути, когда она еще не прошла начала. Народъ лишь начиналъ пробуждаться, выражаясь словами „вошедшаго",

„во многихъ изъ такихъ ужъ огонекъ
Затеплился небесный",

но къ религіозному дѣйствованію онъ еще не былъ готовъ.

За Брандомъ не пошли на вершины ледниковъ, его побили камнями, но въ нашей дѣйствительности явится много подобныхъ ему и человѣчество, пройдя весь предварительный путь—пойдетъ черезъ церковь снѣговъ и придетъ къ той Церкви, о которой говоритъ Брандъ.

Культурное человѣчество! А не культурное — простой народъ!.. Путь Бранда имъ не проходился, но уже пройденъ. Культурное человѣчество должно будетъ путемъ воли уничтожить разладъ между жизнью и вѣрой,— но въ народѣ этого разлада нѣтъ, тамъ вѣра и жизнь одно, какъ народъ вѣруетъ, такъ и живетъ, тотъ мусоръ, который вѣками

накопился между сознаніемъ и волей интеллигенціи—есть исключительно ея достояніе.

Вотъ почему настоящее религіозное движеніе начнется только тогда, когда оно будетъ народнымъ. Пройдя путь Бранда культурное человѣчество должно будетъ слиться съ живымъ народнымъ религіознымъ чувствомъ. Оно принесетъ народу то, что впитало въ плоть и кровь свою и очистило, просвѣтило христіанскимъ подвигомъ, оно принесетъ народу правду культуры, правду науки и искусства. Культура, поскольку въ ней открывается универсальная правда, не можетъ отдѣлять отъ народа,—она подниметъ его до себя. Христіанская интеллигенція принесетъ ему углубленное религіозное сознаніе, свою испытанную и изстрадавшуюся душу блуднаго сына и въ сознаніи своихъ великихъ грѣховъ передъ народомъ почерпнетъ новыя силы для любви и совмѣстной работы.

Народъ, не смотря на всѣ адскія условія жизни, невѣжество и ухищренія правящей церкви отравить его душу дикими кощунственными идеями, — не смотря на все, сохранилъ въ душѣ своей живое чувство къ Христу.

Онъ не оттолкнетъ интеллигенцію, когда она придетъ къ нему, какъ братъ, не только учить, но и учиться, не только съ призывами къ борьбѣ, но и къ совмѣстной жизни. Народъ приметъ то, что падая, искушаясь, познало культурное человѣчество. И та часть его, которая спасется на краю пропасти, какъ спаслась Агнесъ, сольется съ народомъ и начнетъ великое всенародное движеніе къ истинной вселенской Церкви.

Вотъ почему, когда Брандъ говоритъ вдохновенныя слова:

„Юныя, добрыя души за мной!
Ваше дыханье живое
Пыль въ затхломъ углу да смететъ!
Васъ поведу я къ побѣдѣ!
Ввысь по застывшимъ волнамъ ледниковъ,
Внизъ по долинамъ, селеньямъ,
Вдоль, поперекъ мы всю землю пройдемъ
Петли, силки всѣ развяжемъ,
Выпустимъ души, попавшія въ плѣнъ,
Ихъ обновимъ и очистимъ,

Дряблости, лѣни сотремъ всѣ слѣды,
Будемъ воистину люди,
Пастыри, стертый чеканъ обновимъ
Въ храмъ превратимъ государство!“

Когда толпу охватываетъ религіозный восторгъ и съ пѣніемъ священныхъ гимновъ она поднимаетъ на руки Бранда и торжественно идетъ впередъ—кажется, словно открывается какой-то просвѣтъ въ радостное великое будущее, точно видишь передъ собой живое воплощеніе сокровенныхъ желаній, самыхъ интимныхъ надеждъ, о которыхъ иной разъ побоишься сказать вслухъ.

Кажется, будто уже началось то громадное, религіозное движеніе, которое должно спасти міръ, чувствуешь, что и ты какъ-то участвуешь въ немъ и вмѣстѣ со всѣми за Брандомъ идешь въ эту свѣтлую, свободную Церковь Христову.

